

Айгуль Клиновская

Бонни
и её
попутчики

Москва
Издательство АСТ

 АСТРЕЛЬ СПб

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
К49

Дизайн обложки: *Юлия Межова*
Иллюстрация на обложке: *Юлия Межова*

Книга издана при участии бюро «Литагенты
существуют» и литературного агента
Дарьи Савельевой

Клиновская, Айгуль.

К49 Бонни и ее попутчики : [роман] / Айгуль Клинов-
ская. — Москва : Издательство АСТ : Астрель-СПб,
2026. — 384 с. — (Люди, которые всегда со мной).

ISBN 978-5-17-184995-5

*Необыкновенное трагикомическое путеше-
ствие с казахским колоритом и щепоткой сверх-
ъестественного.*

Легко ли довести собаку до пункта назначения?
Азамат с друзьями Фаридом и Лалой отправляет-
ся в путь, не подозревая, что ждет впереди. Странные
люди — и люди ли? — пытаются их обмануть, огра-
бить и даже убить. Животные чуют, действитель-
ность вокруг как будто ненастоящая. Мир кажется
враждебным, дорога — бесконечной, но все преодо-
лимо, если ты нашел своих. Любой морок бессилен
против настоящей дружбы, а юмор поможет даже
там, где сложно самому себе дать ответы.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-184995-5

© Айгуль Клиновская, текст, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

Заправлять постель Азамата приучил кот. Как только уехала мама, все ее заветы пошли прахом. Немытая посуда громоздилась в раковине живописной кучей, на кровати в хаосе валялись подушка и три одеяла. Почему три? На все возможные варианты температуры: тонкое, среднее и теплое. Если совсем жарко, на толстое одеяло, как на валик, удобно закидывать ногу. Значит, все они нужны, несмотря на то что середина августа за окном.

Симон с его сволочным характером однажды положил конец постельному беспорядку, потому что блеванул не где-нибудь, а на кровати. К счастью, Азамат заметил мерзкий коричневый подарок, прежде чем рухнул в постель, а на следующее утро уже аккуратно заправил свое лежбище, спрятав его под светло-зеленым покрывалом. Теперь очередная кошачья пакость сразу бросится в глаза.

— Абьюзер ты. И тиран, — сообщил Азамат Симону.

Тот согласно мыркнул.

— Другого места не мог найти? — Азамат продолжал взывать к кошачьей совести.

Вопрос повис в воздухе, потому что Симон счел ниже своего достоинства на него отвечать.

Кот занимался воспитанием хозяина еще с тех пор, когда Азамат, приходя из школы, раскидывал вещи: пару раз пометил оставленный в коридоре рюкзак, еще пару раз — брюки, брошенные на стул. Этого хватило. Потому что едкий запах кошачьей тирании невозможно извести, а покупать каждый раз новые брюки или рюкзак — денег не напасешься. Теперь в коридоре никогда ничего не стояло без присмотра, а одежда тут же вешалась в шкаф.

Симон скользнул в прихожую и оттуда красноречиво заголосил. Азамат открыл ему входную дверь.

Утренний ритуал. Кот ходил гулять и всегда возвращался. Подъезд старого пятиэтажного дома никогда не закрывался, разве что зимой в лютые морозы, которые случались редко. В таком случае Симон напрягал голосовые связки и орал снизу, призывая хозяев.

Когда его величество уходило на улицу, дверь в квартиру оставалась приоткрытой, чтобы кот мог беспрепятственно вернуться. Бывало, он пропадал на пару дней, и тогда Азамат с мамой бегали по близлежащим домам и искали гуляку. Хоть и абыззер, но свой же, родной. Иногда находили, иногда он являлся сам. Отощавший, вонючий, потрепанный, он с утробным урчанием, как пылесос, втягивал в себя еду, падал и отключался. Каждый год по весне в соседних дворах Азамат замечал похожих на Симона черно-белых котят. Жизнь хвостатого была полной и насыщенной — покруче, чем у некоторых людей.

Проводив Сожителя — еще одно прозвище Симона — на очередное randеву, Азамат пошел в кухню. Холодильник не обрадовал — за ночь там ничего не изменилось.

Сунув в рот печенье, Азамат глянул на подоконник и поперхнулся. Цветы! Маман нет пятый день, а он ни разу еще не удостоил их вниманием. Давясь сухим печеньем, он полил сначала две герани, следом незнакомый цветок, который обозначил для себя фикусом, и проросший овес, уже успевший поникнуть. Симон может и отомстить, если лишится своей травки.

Азамат окинул мысленным взором квартиру. Кое-где уже лежали по углам клубочки шерсти, в солнечных лучах струились пылинки. К маминскому приезду нужно убратъся: либо сегодня, либо в какой-то будний день после работы.

Обед есть — в холодильнике стояло ведро с одеревеневшими крылышками, которые он заказал вчера доставкой. Когда свежие — вкусные, постоят — уже не то, но все равно грызть можно. Симоновский корм тоже в наличии. Он проверил на всякий случай — точно есть. Осталось насыпать в пиалу семечек, прихватить кухонное полотенце, чашку для шелухи, и можно покидать кухню.

На пороге комнаты ворохнулся серый комок шерсти, Азамат сдвинул его ногой в сторону. Расстелил на диване полотенце, поставил две чашки, включил сериал. Воскресенье — оно такое: сначала надо делать что-то для удовольствия, суета подождет. Впереди еще целый день, все успеется.

Спустя пару серий Азамат потер мозоль от семечек на подушечке указательного пальца. Как-то

Томи нащупала эту отметину, пришлось соврать, что помогал соседу строить баню. Она поверила. Или сделала вид, тут точно не разберешь.

Томирис хотела за него замуж. Это и удивляло, и не удивляло. Удивляло, потому что безрассудно стремится замуж за раздолбая, который не создан для семейной жизни, а не удивляло, потому что при всем своем раздолбайстве ухаживать он умел.

Однажды весной она заикнулась о том, что хочет сфотографироваться на маковых полях. Сказано — сделано. Собрать еды для пикника — задача простая. Они с корзинкой вкусностей прыгнули в машину и поехали, благо народ в Интернете делился геолокацией этих полей. Томи лучилась радостью. А Азамат... Азамат больше подпитывался от нее, ощущая гордость, что именно он подарил эту маленькую радость.

В целом, вечное желание девушек выйти замуж всегда приводило его в недоумение, потому что не было рядом практически ни одного примера поистине счастливой семьи. Поначалу еще бросались в глаза какие-то проблески, но они быстро исчезали. Азамат бывал на многих свадьбах, слушал десятки пожеланий долгой и счастливой семейной жизни, видел молодоженов, которые искрились от предвкушения этой самой долгой и счастливой. Проходили дни, и взгляды тухли, а в разговорах за кружкой пива незаметно, как плесень в банке с вареньем, появлялось недовольство второй половиной. Азамат смотрел, слушал и осознавал, что не хочет всего этого. Так честнее, в первую очередь перед самим собой.

Но девушки! Девушки через месяц общения начинали строить планы и раскидывать пачками намеки. Это самая нелепая часть отношений, без которой, увы, почти никогда не обходилось. Азамат никому ничего не обещал, но они умудрялись высасывать надежду буквально из пальца. И даже добротный секс подытоживали многозначительно: «Мне с тобой хорошо... Хочу, чтобы так было всегда!»

С Томирис не стоило связываться изначально. Они вместе работали, девчонка — крепость, о которую многие сломали зубы. Этим его и раззадорила. Однажды очередная оставленная Азаматом девица заявила, что он полон комплексов родом из детства. Слова запомнились. Пухлый пацан с круглым лицом — вылитый Винни-Пух — мог брать только харизмой. Возможно, в детском саду его и отшили один раз, с тех пор он доказывал себе и миру, что может добиться любую. Любую. Вот только все они рано или поздно начинали хотеть замуж. И пока, кроме бегства, иного способа бороться с этой напастью Азамат не нашел.

Отношения с Томирис растянулись на год, что уже было рекордом. По истечении этого беззаботного года и начались те самые вздохи и намеки, а Азамат в очередной раз удивился — опять кто-то рвется за него замуж.

Томи сразу стала обычной, все пошло по заезженному сценарию. Сначала он делал вид, что намеков не понимает, хотя его периодически пытались загнать в нудные разговоры по душам с нотками прессинга. Когда прикидываться дураком

стало дальше некуда, отшучивался. А когда подошел третий этап, что называется приперли к стенке, он привычно начал недоумевать.

— Да зачем я тебе? Я же не создан для семейной жизни.

— Я тебя люблю.

О, этот универсальный ключ от всех дверей! Три слова, имеющие, по мнению большинства, несгибаемую силу. Хотя, по сути, всего лишь слова, в которые каждый вкладывает свой смысл. Только у женщин они почему-то неминуемо предвещают скорое бракосочетание.

— И я тебя. Но при чем тут свадьба, кольца, штамп? — Он ощущал дурноту.

— Дети. Еще же дети.— Томи унижалась, уговаривала, и ей это не шло, ой как не шло. Где та гордячка, которую он уламывал долгих три месяца, прежде чем она согласилась на первую невинную чашку кофе наедине?

— Я сам еще ребенок в свои тридцать лет, мозгов нет совсем.— Он попытался перевести все в шутку.

— А если я забеременею?

Азамат дернулся, как от пощечины, и трижды сплюнул через плечо:

— Не дай бог!

Тогда-то он и увидел, как на самом деле камнеет человек. Замершая улыбка еще висела на лице Томи, пытавшейся придать непростому разговору какую-то легкость. Только вот все остальное — лоб, глаза, подбородок — сковало серой морозной коркой, которая вскоре доползла и до губ.

Позже Азамат ругал себя, но та реакция была самой быстрой и оттого самой честной. Мысль о детях приводила его в ужас. Чужие — еще куда ни шло, их присутствие рядом временно, но свои...

Этот мир — точно не место для его детей. И сам он — точно не отец.

]

В дверь постучали. Азамат поднял глаза к потолку, прислушался. Может, показалось. Или это кот набрался этикета?

Стук повторился. Тут же в комнате возник Симон. Сегодня он обернулся по-быстрому.

— Ты кого с собой привел? — Азамат поднялся с дивана и вышел в коридор.

В дверном проеме маячила щуплая фигура.

— Аза, салам, брат.

Фарид. Друг, одноклассник, сосед. Как кофе — три в одном.

— Салам, Фара, заходи. А я подумал, что Симон научился стучать.

В тесной кухне он убрал с табурета полотенце, махнул им по столу. Друг поймет и простит, что после отъезда маман и сам Азамат, и квартира приобрели заброшенный вид. Уборка случится, но позже, а пока они с Симоном наслаждались бездельем и анархией. Фарид уселся за стол.

— Крылышки заточим? — спросив риторически, Азамат вынул из холодильника картонное ведерко. — Как дела, рассказывай.

Он включил чайник, достал две тарелки. Симон пристроился на подоконнике и принялся прикусывать свою траву в ожидании, что ему перепадут куриные хрящики.

— Ты ешь, я не хочу, брат, спасибо. Воды дай просто, и все, — попросил Фарид.

Азамат на секунду замер — он рассчитывал пообедать в компании. Ну нет так нет. Он закинул ведро с крылышками обратно в холодильник. Когда Фарид уйдет, он поест сам с очередной серией. Чайник, впрочем, выключать не стал.

— Может, хоть чай? Чего воду цедить?

Фарид кивнул нехотя, снял очки, положил их на стол и потер глаза. Азамат смотрел на него с интересом. Притащился зачем-то, есть-пить не просит, да и видок бледный.

— Болеешь? Что-то выглядишь не фонтан.

— Дай попить.

Азамат набрал в кружку воды, поставил на стол. Фарид обхватил ее двумя руками и осушил в несколько глотков.

— Отходняк? Бухал вчера? — Азамат наполнил кружку еще раз.

— Не бухал, брат. И не болею.

Лицо Фариды, и без того маленькое и остроносое, собралось, словно кто-то невидимый схватил его в пригоршню. Он зажмурился, чтобы удержать что-то, не дать проникнуть сюда, на эту кухню. Выглядело так, будто из глаз-щелок вот-вот покатятся слезы.

— Э, ты чего?! — испугался Азамат.

Он вспомнил один-единственный случай, когда Фарид при нем плакал. Его побили в школе,

пытались поставить на счетчик то ли в пятом классе, то ли в шестом.

Отгрохотала перемена, начался урок математики. То, что это была математика, а не история или русский, Азамат помнил по кабинету, в котором они сидели. Учительница уже начала сверять по журналу присутствие, когда открылась дверь и вошел Фарид. Не обращая внимания на вопрос о причине опоздания, он деревянной походкой прошествовал к своей парте, сел и вот так же зажмурился. Учительница через секунду о нем забыла, остальных он тоже не волновал. А Азамат почему-то смотрел, хотя никогда не проявлял к нему особого интереса. Мелкий очкарик, в вечно мешковатом костюме, с выдающимися вперед заячьими зубами не имел шансов на повышенное внимание. Единственным его плюсом была хорошая учеба, списывать он давал, не жадничал. На этом интерес к нему исчерпывался.

Азамат продолжал неотрывно следить за ним, так как понял, что произошло. Боль и обида Мамедова были помножены на осознание того, что он никогда и никому не сможет дать отпор. Фарид почувствовал его взгляд, снял очки и спрятал голову в сложенных руках. Пиджак топорщился и слегка подрагивал, на рукаве — белесое клеймо от пыли. Соседка по парте с неестественно прямой спиной не сводила глаз с доски, как будто пульсирующее рядом горе могло быть заразным. Азамат впитал в себя картинку всю без остатка и отвернулся. В голове закрутились варианты, как помочь бедолаге Мамедову.

Не сказать, что Азамат считался таким уж крутым в школе, просто благодаря подвешенному языку был на хорошем счету, его не трогали. Он так до конца и не осмыслил, почему решил вступить за хлипкого одноклассника. Многим доставалось, но никто особого сочувствия не вызывал. Как говорится, каждый выживает сам. Но в тот день и час обстоятельства сложились так, что Азамат отправился впрягаться за Фариду: с одними побеседовать, с другими пошутить, с третьими покурить. Парни, которые держали школу, милостиво пообещали оставить Мамедова в покое. Больше никогда Азамат не видел его слез. И сейчас не желал на них смотреть.

Ответ на вопрос так и не прозвучал, пришлось его повторить:

- Так что случилось?
- Помощь твоя нужна.
- Говори.

Фарид опять замолчал, принялся натирать очки краем футболки. Азамат его не торопил. После того случая они сдружились, до отличника дошла информация, кто за него слово замолвил. По окончании школы связь не прервалась, хотя Фарид и уезжал в Азербайджан на пять лет. Думал там остаться, но нет, вернулся. Долго потом Азамат над ним посмеивался: «Что, тяжело без бешбармака и баурсаков? Не смог, да?» Самое удивительное, что из Азербайджана Фарид вернулся не один, а с женой.

Лала была выше мужа на полголовы, с медовым голосом и сочными формами. После знакомства с ней ошалевший Азамат поинтересовался,

как Фариду удалось добыть такую жемчужину. Тот признался, что особой его заслуги нет, родственники подсуетились и представили их друг другу. Азамат мысленно с ним попрощался, потому что Лала определенно смахивала на человека, который завтракал такими щуплыми, как ее муж. Но прошел год, другой, а Фарид все так же сновал по морю жизни маленьким бодрым катерком, рядом величественной бригантиной плыла Лала. Она лихо выдала ему двоих детей, гуляющего с ними папашу часто принимали за старшего брата.

— Дома что-то? — Азамат устал ждать и начал задавать наводящие вопросы.

— Да, — выдохнул Фарид, напялив в конце концов натертые очки.

Азамат подкинулся.

— Мать? Лала? Дети?!

Фарид замотал головой.

— Твою мышь, можешь нормально объяснить, что случилось?

Засвиристел чайник. Азамат и сам уже начал закипать от происходящего. Он сыпанул в кружку кофе, налил кипятка, со звоном размешал и отодвинул в сторону.

Фарид так и сидел, уставившись в одну точку.

— Я жду, — напомнил о своем присутствии Азамат. — Никто не умер, а ты сидишь как на похоронах!

— Умер. Точнее, умерла.

— Кто?!

— Бонни.

— Сука-а-а! — протянул ошарашенный Азамат. Восклицание можно было отнести и к

ситуации, и к причине Фаридового траура. — Из-за этой старой псины ты мне всю душу вынул?

Фарид поднял на него печальные глаза. Такие рисуют в мультфильмах трогательным оленятам.

— Не называй ее так. Она — член семьи.

Азамат отхлебнул кофе и глянул на Симона. Когда кот умрет, будет ли он также бегать по соседям и пугать их похоронным видом? Вряд ли. Но выдать что-то утешительное надо. Если друг пришел разделить горе, нужно его разделить. Хотя, сказать по правде, Азамата всегда раздражала визгливая собачонка, постоянно хватавшая его острыми зубами за икры.

— Слушай, ну все живое на земле смертно. Настал час и для Бонни, — попытался он как-то разрядить обстановку.

— Да, — вздохнул Фарид.

Азамат покрутил в голове идеи, что бы еще такого сказать.

— От старости же умерла? Не болела?

— Да.

Пришлось снова напрягать мозг. Фарид совсем не помогал, отвечая односложно.

— Каким образом будете утилизировать?

По тому, как на него посмотрели, Азамат понял, что сморозил кощунственную глупость.

— Я хотел сказать... Куда ее теперь? Не слышал, есть ли у нас кладбища для животных.

— Наверняка есть, — прошелестел Фарид. — Собственно, поэтому я к тебе и пришел.

Наконец-то! Светская часть визита подошла к завершению, значит, сейчас будет по делу.

— Говори, брат. Чем смогу — помогу, конечно.

Мелькнула мысль, что Фарид попросит отвезти Бонни в горы и там похоронить. Наверное, это запрещено, но что не сделаешь ради друга. Лопату только надо поискать в кладовке...

— Мне нужно отвезти ее в Сарыбас.

Азамат, который в мыслях уже нашел лопату, выкопал яму и даже проводил Бонни в последний путь, завис на пару секунд.

— Куда отвезти?

— В Сарыбас.

И тут прежде скупого на слова Фариды провало. Видимо, он копил силы, чтобы подбить Азамата на авантюру.

— Это же бабушкина собака. Мы привезли ее с Лалой оттуда, помнишь? Бабушка перед смертью очень просила позаботиться о Бонни и похоронить ее рядом, если получится.

Биография мелкой занозы Бонни никогда Азамата не волновала. Обстоятельства ее появления у Мамедовых, поросшие для него мхом, теперь предстали в полный рост.

Он молча вытащил из холодильника куриное крылышко и показал Фариду. Тот качнул головой. Тогда Азамат сам вгрызся в твердое мясо. Прикорнувший на подоконнике Симон оживился, потряс занавеской, чтобы хозяин и про него не забыл. Обглодав крылышко и кинув коту вожделенный хрящик, Азамат сполоснул руки и принялся вытирать их полотенцем. За это время в голове выстроилась система доводов, чтобы и в сомнительное дело не ввязываться, и друга не обидеть.

— А на фига вы ее взяли? — Он все-таки задал неактуальный нынче вопрос, учитывая